

УДК 811.51
UDC 811.51

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
albury@mail.ru

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ И ТЮРКО-ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**
**NEW PERSPECTIVE OF TURKIC-MONGOLIAN AND TURKIC-
TUNGUS-MANCHU LEXICAL LINKS: THE ALTAIC THEORY
POSSIBILITIES FOR REVEALING ANCIENT LANGUAGE
CONTACTS**

Аннотация

За полуторавековую историю алтаистики не возникало никаких противоречий при обсуждении вопросов общего происхождения языков, результатов языковых контактов и их дальнейших последствий, равно как и пласта заимствованных в разные ярусы языковых единиц. Исследования данного направления решали разные задачи в рамках алтайской теории, исходя из принятой идеи о родстве алтайских языков. Между тем, предпринимались попытки пересмотра этой идеи в рамках контралтаистики. В настоящей статье были решены четыре основных задачи. Во-первых, удалось объяснить не вполне регулярные фонетические соответствия в словах и провести прямые аналогии на общеалтайском уровне. Во-вторых, было показано, что большое количество «похожих» слов в тунгусо-маньчжурских и частично в монгольских и тюркских языках представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В-третьих, был определён корпус лексики, которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Наконец, удалось вновь подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без анализа древних заимствований объяснение отдельных важных фактов истории тюркских языков в принципе невозможно.

Abstract

During 150 years history of Altaic studies, no contradictions arose while discussing the issues concerning the common origin of languages, language contact results and their further consequences, as well as the stratum of borrowed linguistic units into different levels of the

language. Such studies performed various tasks within the framework of Altaic theory dwelling on a traditional idea of the Altaic languages affinity. However, there were certain attempts to reconsider this idea within the framework of counter-Altaic theory. The present paper performed 4 tasks. First, it explained not quite regular phonetic correspondences in certain words and drew parallels at the common Altaic level. Second, it showed that a considerable amount of quite similar words in Tungus-Manchu and partly Mongolian and Turkic languages are old borrowings that do not fit into traditional assumptions about areal links of Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages. Third, it determined a corpus of lexical units that can be considered a result of the influence of already disappeared ancient Mongolian and Turkic languages on the lexical fund of Tungus-Manchu ones. Finally, it confirmed the validity of common Altaic reconstruction again and showed that without analyzing ancient borrowings, it is totally impossible to explain a number of important facts from the history of Turkic languages.

Ключевые слова: алтайская теория, тюркские языки, монгольские языки, ареальная коммуникация, реконструкция, фонетическое сходство, заимствования, исчезнувшие языки.

Keywords: Altaic theory, Turkic languages, Mongolian languages, Tungus-Manchu languages, areal communications, reconstruction, phonetic conformity, loan words, the disappeared languages.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_4_5_26

1. Введение

За полуторавековую историю алтаистики не возникало никаких противоречий при обсуждении вопросов общего происхождения языков, результатов языковых контактов и их дальнейших последствий, равно как и пласта заимствованных в разные ярусы языковых единиц. Исходя из положения о генетическом родстве алтайских языков, проводился анализ общеалтайской лексики, внешне «вписывающейся» в систему фонетических соответствий между составляющими алтайскую семью тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими языками, а также корейским и японским (на более позднем этапе). Под этим же углом рассматривались разнообразные заимствования лексических единиц, происходившие в разных направлениях, фонетическая форма которых вполне предсказуемо отклонялась от регулярных фонетических соответствий. Все эти исследования решали разные, но связанные друг с другом задачи в рамках алтайской теории, исходя из принятой идеи о родстве алтайских языков. Отечественные приверженцы общего происхождения, то есть генетического родства алтайских языков Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус и их зарубежные коллеги уделяли немало внимания заимствованиям в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, прекрасно осознавая, что именно на этом материале можно верифициро-

вать общеалтайскую реконструкцию, которую следует рассматривать как отдельный продукт исторической компаративистики для алтайских языков.

Выход в свет двух опытов сравнительной грамматики алтайских языков Г. Рамстедта [Рамстедт, 1957] и Н. Н. Поппе [Poppe, 1960, 1965] стал первым обобщением работы в области общеалтайской реконструкции. Сейчас, более полувека спустя, нам видны многие лакуны в групповых реконструкциях общетюркского, общемонгольского и общетунгусо-маньчжурского языковых состояний, на которых основывались создатели общеалтайской реконструкции, а также ненадежность многих представлений, на которых строилась названными авторами общеалтайская реконструкция. Тем не менее невозможно понять, по какой причине в алтаистической литературе скепсис в отношении родства алтайских языков стал занимать заметно большее место, нежели обоснование или хотя бы защита этого родства. По прошествии нескольких десятилетий можно откровенно признать – альтернатива алтайской теории так и не была найдена, отрицание генетического родства алтайских языков не помогло прояснить историю или тем более генетические связи тюркских или монгольских языков. Уже в 1970-е годы в «контралтаистике» стал заметен застой и дефицит позитивных идей, изучение ареальных связей тюркских и монгольских языков, а также выявление межгрупповых заимствований в отдельных группах алтайских языков не давало ничего, кроме увеличения объема лексических параллелей между алтайскими языками, причем таких параллелей, которые никогда и никем не признавались за факты обоснования родства алтайских языков. В самом деле, монгольские и якутские заимствования были прекрасно знакомы тунгусо-маньчжуроведам, взаимные заимствования вполне обоснованно составляли периферийный предмет внимания монголоведов и тюркологов, а изучение лексики такого языка, как чувашский, было возможно только при, с одной стороны, сравнении чувашских форм с теми, что имелись в других тюркских языках в общетюркском пласте, а с другой – одновременного отделения разнообразных заимствований, включая заимствования из других тюркских языков, а также из монгольских языков.

К 1980-м годам стало понятно, что несмотря на недоработки в области реконструкции архаического состояния алтайских языков, у алтайской теории нет альтернативы. Опровержение генетического родства алтайских языков не имело и не имеет серьезной перспективы, поскольку за столетний период отсутствуют положительные результаты в русле обоснования других родственных связей хотя бы какой-то одной группы алтайских языков. Что касается корейского и японского языков, то в настоящее время нет внятных альтернативных гипотез и для них. Реальные связи отдельных живых языков, представляющих те или иные группы алтайской семьи, и языков, на которых созданы ранние памятники письменности, могут бесконечно изучаться, но при этом полученные результаты будут иметь значение исключительно для рассмотрения лексики отдельных языков в диахронии. Для решения других задач они оказываются непригодными.

Как известно, Г. Рамстедт и Н. Н. Поппе основывали свои выводы для гласных на анализе движения тона в трёх позициях в слове: начальной (анлаут), конечной (аулаут) и серединной (инлаут). Для согласных был взят более широкий спектр позиций: анлаут, инлаут, аулаут, а также в пре-консонантной и постконсонантной позициях (т. е. был добавлен признак «одиначный согласный или консонанс»). Представляется однако, что было бы более логично уйти от поиска этих тривиальных соответствий и, наряду с материальными качественными соответствиями сегментных фонологических единиц, привлечь факты об эллипсисе согласных в тех же анлауте, инлауте и аулауте, а также элизии гласных из неначальных слогов. Именно эти черты так или иначе прослеживаются, согласно С. Е. Малову, в так называемых «новых» тюркских и монгольских языках Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурских языках на территории Приамурья и в современном корейском языке (ср. с орфографическими нормами корейского языка). Подробно результаты наших изысканий в данной области описаны в [Бурыкин, 1999, 2014, 2015]; здесь дадим лишь важнейшие выводы.

Сделанные дополнения и уточнения в общеалтайской реконструкции позволили выявить три типа соотношения лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня [Бурыкин, 2014, с. 25–26]:

1) письм.-монг. **mösun* ‘лёд’ ~ общетюрк. **büz* ‘лед’; письм.-монг. *xonin* ‘овца’ ~ общетюрк. **qoñ* ‘овца’;

2) письм.-монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ общетюрк. **jüz* ‘лицо’;

3) письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ древнетюрк. *Jiz* < **jēz* ‘тростник’.

Третья группа примеров демонстрирует, что в ряде случаев в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, затем из вторичных сочетаний согласных, возникших как результат синкопирования, эллиптировался первый согласный, разделяя судьбу первичных сочетаний.

Значение соответствий указанного типа для алтаистики невозможно переоценить. Прежде всего, с их помощью удалось во много раз увеличить количество явных схождения в лексике общеалтайского происхождения, включая монголо-тюркскую лексику. Во-вторых, не будучи тривиальными или ожидаемыми, приведённые примеры, прозрачно указывают на генетическое родство языков; выявленные параллели при этом нельзя отнести к ареальным связям между тюркскими и монгольскими языками. Наконец, именно существование продемонстрированных параллелей является неопровержимым доказательством того, что соответствия типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* ‘золото’ с аналогичным консонантным кластером, вне всяческих сомнений, являются заимствованиями. Слова типа монг. *цэцэг* – тюрк. *sesäk* ‘цветок’, монг. *тахья* – тюрк. *taquq* ‘курица’ при наличии в других группах языков форм с кластерами в инлауте, ср. корейск. *та(л)к* ‘курица’ наглядно демонстрируют эту же тенденцию.

Известно, что в тюркских языках можно найти сравнительно немного согласных фонем, по которым отслеживаются нетривиальные соответствия в отдельно взятых языках – это межзубный /*ḏ*/, переднеязычные /*z*/, /*ʃ*/, в некоторых случаях переднеязычный /*s*/, а также начальный среднеязычный /*j*/.

Эта характерная черта тюркских языков даёт возможность морфологического обобщения – обобщения корней и аффиксов с перечисленными согласными, используя древнетюркский словарь или словарь Э. В. Севортяна [Севортян, 1974–2003]. Следующий логичный шаг – поиск проявлений этих же типов морфем в лексемах общеалтайского статуса и в заимствованиях «монгольские ← тюркские» и «тунгусо-маньчжурские ← тюркские». Решение этой задачи позволит реализовать целую серию возможностей. Во-первых, увеличится число тюркских заимствований, а их репертуар станет более разнообразным. Во-вторых, можно будет верифицировать саму общеалтайскую реконструкцию в том виде, в котором мы её предлагаем. В-третьих, анализ описанных параллелей в языковом материале при ряде условий мог бы вывести на поверхность характерные черты тюркских языков, послуживших источником упомянутых заимствований через указание на более ранние территории распространения этих языков. Наконец, появилась бы возможность оценить количество уже исчезнувших тюркских языков, которые оставили свой след в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках лишь в виде заимствований.

2. Монг. зэс, тюрк. *jez* ‘медь’ и его проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Тюркские формы названия меди с архетипом **йэз* были детально рассмотрены Э. В. Севортяном [Севортян, 1989, с. 168–169]. Автор согласился с точкой зрения о том, что монг. зэс является заимствованием из тюркских языков и обратил внимание на обратные заимствования данной лексической единицы тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствование якут. *дьэс* ‘красная медь’, попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков.

Варианты названия меди п.-мо. *jes*, *jis*, *jed*, (калм. *зес*) были обойдены вниманием специалистов, несмотря на то, что именно они соотносятся с тюркским названием меди *jez*, и, что совершенно очевидно, являются заимствованиями из тюркских языков. Между тем, эти названия весьма интересны и имеют немалое значение для общей группировки названия этого металла в языках алтайской семьи. Однако остаётся открытым вопрос об архетипе тюркского названия меди, и о количестве примеров, которые можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках среди различных названий меди. Варианты с /*z*/ – /*ḏ*/ в абсолютном конце монгольских слов не позволяют с полной уверенностью заключить, что в ауслауте находился фрикативный /*z*/ и наводят на мысль о том, что слова могли заканчиваться и на интердентальный смывный /*ḏ*/.

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках (удэгейский, орокский, нанайский, маньчжурский), не попавших в центр

внимания исследователей – это уд. *тэуси* ‘1) медь, латунь; 2) бронза’ и его производное *тэусимэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’; орок. *тэвус*, *тэвуси* ‘1. медь; 2. медный’; нан. *тэусае* ‘медь’, ма. *тэјсун* ~ *тэјшун* ‘медь (жёлтая, из смеси красной меди и свинца)’ [ССТМЯ, 2, с. 242]. Приведённый пример крайне интересен сам по себе. Прежде всего, согласно реконструкции Б.А. Серебренникова [Серебренников, Гаджиева, 1986; Сравнительная грамматика, 1984], он совершенно явно выводится из тюркского *jez*, где начальное *m*- всего лишь глухой коррелят звонкого *ð*-, который встречается среди рефлексов начального *й*- в тюркских языках (ср. схожие рефлексы в якутском языке: *тыал* ‘ветер’). Во-вторых, маньчжурские примеры в абсолютном конце слова имеют комплекс *-ин*, отмеченный и в других обозначениях меди – также не исконных в тунгусо-маньчжурских языках. Между тем, этот пример – своего рода переходная фаза между формой *jez*, которую можно принять за временную точку отсчёта, и другими формами, которые представляют собой далеко зашедшие стадии эволюции согласных в анлауте и инлауте в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый примечательный из интересующих нас примеров – эвенк. *гэгин* ‘медь’, эвен. *геуан* (*г'е'һан*) ‘медь (жёлтая)’, нег. *гуин* ‘медь’, орок. *гэу(н-)* ‘медь’, ульч. *гёу(н-)*, (*гјау*) ‘медь; бронза’; *гёума* ‘медный’, орок. *гёу(н-)* ‘медь’; *гёума* ‘медный’, нан. *гио(н)* (*гива(н)*) ‘медь; латунь, бронза’, ма. *г'ован* ‘медь (красная)’ [ССТМЯ, 1, с. 177].

Авторы, которые позже писали о названиях металлов в алтайских языках, для данного слова никаких аналогий не выявили. Не удавалось сделать этого и нам, оставаясь в границах традиционных предметов [Омакаева, Бурыкин, 2008]. Однако в разбираемой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на интервокальный *-γ-*, которое может восходить к *z* и представлять собой аналог изменений *z > γ* как параллель изменений *s > h*, и, главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции *j > j̣ > γ* – последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов монг. *јida* ~ тунг.- ма. *гуда* ‘копье’.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь (жёлтая)’ [ССТМЯ, 2, с. 418]. Эта форма, хотя источники её в цитируемом словаре не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср. др.-тюрк. *çod̄in* ‘медь’ [ДТС, с. 151]¹. Аргументы в пользу гомогенности этого слова с *jez* и рефлексами его праформы или его выглядят следующим образом: начальное *ч*- входит в состав рефлексов общетюркского **j-* (ср. тувинский язык); межзубный смычный /*ḍ*/ усматривается в эквивалентах монгольской формы **jez* в монгольских же языках. Межзубный смычный /*ḍ*/ отражается как *ч* в значительном количестве тюркизмов, найденных в маньчжурском и

¹ Сравнение этого слова с названием чугуна в некоторых тюркских языках [Сравнительно-историческая ..., 2001, с. 410] неубедительно и по существу недоказуемо.

«чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т.п.), а формы с *-in* в ауслауте мы уже встречали в маньчж. *тэйшун* и будем рассматривать их далее.

Имеется два других названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ. Одно из них имеет точную монгольскую параллель: эвенк. *чйриктэ* ‘медь (красная)’, эвен. *чйрит* ‘медь (красная)’, нег. *чиктэ* < *чйриктэ* ‘медь (красная); бронза’, ороц. *чйктэ* < **чириктэ*) ‘медь (красная)’, уд. *чикто* ‘медь, латунь’, ульч. *чйриктэ* ‘1) медь (красная); латунь; 2) бронза’, *чирумэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’, орок. *чйриктэ* ‘бронза’, нан. *чйриктэ* ‘бронза’, ма. *сирин* ‘медь’, *сирин моро* ‘медная чашка’, *сирин сажфи* ‘медная ложка’, чж. *сиh-li* ‘медь’, п.-мо. *sirin* ‘бронза, медь’ [ССТМЯ, 2, с. 399]. Отсылка к другим статьям этого словаря, равно как и указаний на параллели в других языках, не имеется.

Системное сходство форм ма. *сирин* ‘медь’ и монг. *sirin* ‘бронза, медь’ – их фактическое тождество с известными формами *jez*, *зэс*, в которых *с-* как один из рефлексов общетюркского **j-* в якутском языке и *г*, корреспондирующий с *з* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, свидетельствует о том, что в конце названия меди должно было находиться *-in*. Однако самое важное – данный пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода *з* или *ǰ* в сонант *г*, то такое изменение могло иметь место только при условии оглушения согласных или изначального недопущения звонких согласных в анлауте, и соответственно вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в начальной позиции до вторичности наблюдаемых случаев озвончений. Чередование согласных *т//р*, *т’//ри* в анлауте в нивхском языке является аналогом этих изменений, как и тотальная замена указанных согласных их коррелятами в интервокальном положении – именно на этом правиле, определяющем изоморфизм рефлексов согласных и их сочетаний внутри слова и на стыках слов, основывается предложенная нами пранивхская реконструкция. То обстоятельство, что в нивхском языке оппозиция согласных «звонкий vs глухой» в анлауте либо заменена оппозицией «непридыхательный vs придыхательный», либо фактически утрачена в тех случаях, когда соответствия непридыхательным согласным звонких согласных в тунгусо-маньчжурских языках отсутствуют, поскольку там реализуются глухие согласные, указывает на фактор, детерминирующий упомянутые изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что архетип для ма. *сирин* и монг. *sirin* должен быть восстановлен как **sidin*, что демонстрирует его родство как с формой *čodin*, которую мы находим в тюркских языках, так и с формой *jez*, особенно с родственными ей словами, в которых имеется конечный *ǰ*.

В результате проведённой реконструкции, для названия меди в языках алтайской семьи вырисовывается нижеследующая система праформ, каждая из которых, вероятно, соответствует тому или иному пратюркскому диалекту:

- 1) * $\check{d}(i)\check{d}in > si\check{d}in > \check{c}irin \sim$ сирин / $sirin \sim$ чири-ктэ;
- 2) * $\check{d}(o)\check{d}in > \check{c}od\check{d}in >$ чучин;
- 3) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ тэуси ~ тэйшун;
- 4) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ jez ~ зэс;
- 5) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ezin > \check{d}e\check{d}in >$ гэгин.

Теперь зададимся вопросом, для каких целей нам нужны эти примеры, взятые в комплексе.

Прежде всего они, причем именно в своем разнообразии, дают возможность понять, что ротацирующие формы могли прийти именно из тюркских языков, но исключительно после того, как в них произошло оглушение согласных в анлауте. Другая хронология изменений для «ротацизма» просто невозможна, поскольку для этого отсутствуют необходимые условия.

Кроме того, для возникновения ротацирующих форм, в дополнение к изменениям в качественной оппозиции шумных (замена глухости-звонкости или напряженности-ненапряженности на противопоставление придыхательных и непридыхательных или устранение данной оппозиции) необходимы конвергенция \check{d} и z , а также интервокальная позиция, поскольку такое изменение, учитывая факты нивхского языка, как типологический аналог ротацизма, в ауслауте² невозможно.

Наконец, удаётся прояснить, что отсутствие комплекса $-\bar{i}n/-in$ в ауслауте является единственным основанием для интерпретации монгольского зэс 'медь' как тюркизма, проникшего в монгольские языки из общетюркского лексического пласта, из общетюркского праязыка, который претерпел серию изменений, способных его идентифицировать.

Монг. *sirin* и ма. *сирин* 'бронза, медь' пришли из одного из пратюркских диалектов, в котором всё ещё сохранялись общеалтайские комплексы гласный+согласный в конце слова – это и есть причина, по которой в нём и мог быть «ротацизм». Переход анлаутных $\check{d}, \check{j}, n, n', l > j$, известный алтаистам, мог произойти хронологически только перед оглушением согласных в анлауте либо в другом диалектном континууме, в котором «ротацизм» не мог появиться, поскольку, как мы выяснили, ротацизм возможен только при условии оглушенности начальных шумных.

Не исключено, что монг. зэс восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них ещё не произошло тотального изменения анлаутных согласных с их преобразованием в общетюркский * j -, но конечные комплексы «гласный + согласный» к этому времени уже исчезли.

Слово *čodĭn* уходит корнями в такой пратюркский диалект, где «ротацизм» не был реализован, и где в поздних состояниях

² Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламбдаизм, когда тюркские z и sh являются остатками кластеров $r\check{z}, r\check{c}, l\check{z}, l\check{c}$, в которых плавный утрачивался, а z и sh являются отражением среднеязычных [Бурыкин, 2005].

интердентальный \check{d} перешёл в $ч$ – рефлекс, не выявленный ни в живых тюркских языках, ни в письменных памятниках на тюркских языках, но проявившийся в тюркских заимствованиях в маньчжурский язык (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т. п.) – вследствие чего и появилась форма *чучин* ‘медь’.

Похоже, что слова *тэйшун* ~ *тэусин* пришли из такого пратюркского диалекта, в котором была конвергенция $ч > т$. Другой, менее вероятный, вариант конвергенции – это, $\check{j} > j > d > t$, где второе и третье звенья цепочки отражают судьбу общетюркского j – в алтайском (ойротском) языке, а финальное звено присутствует в некоторых примерах из якутского языка (начальное $т$ - вместо ожидаемого $с$ -).

Форма *гэгин* ‘медь’ выводимая из формы с \check{j} в анлауте и инлауте – среднеязычной аффрикатой или спирантом z , соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах, до сих пор остаётся загадкой. Данные формы, вносящие свою лепту в документацию тюркских языков, к великому сожалению, изымаются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (в противном случае в т.-ма. примерах мы имели бы не z -, а x или k , особенно в середине слов) и соответственно – форм с ротацизмом. Форма *гэгин* по праву входит в нашу коллекцию форм из пратюркских диалектов, сохранивших $-in$ в конечной позиции в названиях меди и обладающих свойствами, не встречающимися в тюркских языках на современном этапе их развития.

Всё вышесказанное даёт основания говорить о том, что пратюркским архетипом названия меди следует считать $*\check{d}\check{e}d\check{i}n$ ~ $*\check{d}\check{i}d\check{i}n$, ~ $*\check{d}\check{o}d\check{i}n$. В этом случае источником всех проанализированных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (*цзинтун*) ‘бронза’. И тогда перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова – бинома (ср. кит. *tong²* ‘медь’) за счёт изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключаяющего даже иллюзорный «ротацизм», и отпадение ауслатного комплекса $-in$) образуется тюркский односложный корень, структуры CVC (где C – согласный, V – гласный), который ещё недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии. Аналогичные структурные изменения корня предполагаются для слова *bez* [Севортян, 1978, с. 102–103]. Все предлагавшиеся этимологии, учтённые и неучтённые Э. В. Севортяном, не рассматривали возможности изменения внешнего облика лексемы, однако в маньчжурском языке сохраняются её архаические формы: ср. ма. *вэнчэо* ‘ткань из шелковой и льняной нитей’ < кит. *вэнь¹чоу²* [ССТМЯ, 1, с. 132], ороц. *генчу* ‘название шелковой ткани’, уд. *геанчу*, *чесуча*, ма. *г’анчу*, *г’анчэо* ‘шелковая ткань’ [ССТМЯ, 1, с. 146]. Ср. также тюрк. *boš* ‘свободный’ [Севортян, 1978, с. 203–205] и ма. *байсин* ‘свободный (от повинности. службы, занятий)’ при кит. *бай²жэнь²* ‘человек без должности’ [ССТМЯ, 1, с. 66]; социальные значения слова *boš* «свободный, незанятый, благородный» являются архаическими [Севортян, 1978, с. 204].

Таким образом, в этимологическом изучении тюркских односложных корней просматривается новое направление, позволяющее выводить их из китайских биномов при соответствии в семантике.

3. *aDig* «медведь» и его тунгусо-маньчжурские эквиваленты и поздние проявления

Э. В. Севортян, обобщив формы названий медведя в тюркских языках (статья с заголовком айы), происходящие от одной лексемы, сохраняющее это же значение, полагал, что это название является исторически эвфемизмом и связано с пожилым возрастом [Севортян, 1974, с. 112–113].

Кроме потенциальных заимствований названия медведя, о которых пойдёт речь ниже, укажем сначала на примеры – основания для общеалтайской реконструкции данной лексемы, ср. нег. *гойзима*, ороц. *гойзима*, *гойзима мапа* ‘медведь тибетский’, уд. *гуаизима* ‘медведь (гималайский или тибетский)’, нан. *гойзима*, *гойзики* ‘медведь гималайский’ [ССТМЯ, 1, с. 158]. Присутствие начального *g-* в тунгусо-маньчжурских словах пока не объяснимо, но сохранение преконсонантного *-й-* в тунгусо-маньчжурских примерах указывает на то, что они документируют самую архаичную форму слова, сопоставляемую с тюркскими лексемами. Любопытно, что в эвенском языке встретилось иноязычное название медведя *агди* («гром») [ССТМЯ, 1, с. 12], по форме точно отвечающее варианту предполагаемого пратюркского архетипа данной лексемы:

эвенк. баргузинск. *уксукэ* ‘медведь’ [ССТМЯ, 2, с. 254];

эвенк. диал. *учикан* ‘медведь’ [ССТМЯ, 2, с. 297];

ма. *удувэн* ‘медведь-муравьед’ [ССТМЯ, 2, с. 248].

Встречаются также формы с начальным заднеязычным:

эвенк. диал. зап. *кути* ‘медведь’ [ССТМЯ, 1, с. 440];

эвенк. диал. сымск. *корко* ‘медведь’ [ССТМЯ, 1, с. 415].

Приведённые формы показывают некоторые вариации огласовки, что не удивительно при наличии тунгусо-маньчжурских форм с начальным *go-*: корреспонденции интердентального *ǰ* укладываются в знакомые нам рефлексы интердентального *ǰ* в известных тюркских языках; формы с начальным *k-*, пока необъяснимым в ряде примеров (ср. алт. *кажык* ‘лодыжка’), в выбранном материале также присутствуют. Показательно, что форма *корко*, которая должна быть аналогична по рефлексу интердентального чувашской форме (однако в чувашском исконное тюркское название медведя, похоже, утрачено) – но она присутствует в той же диалектной группе, где название соли имеет форму *турукэ*, а название языка – *чили*: а это явные болгаризмы. Показательно, что в данной группе примеров, как и во многих других случаях, мы не находим морфологически осложнённых форм тюркских слов или слов с неясной морфологической структурой, нет в этом материале и семантических расхождений.

Монг. *адаг* ‘губач, медведь южноазиатский’ – определённо заимствование из тюркских языков: в нём, в отличие от тунгусо-маньчжурских форм, нет преконсонантного *й* или какого-либо другого согласного. Калм. *айу* ‘медведь’ – заимствование из тюркских языков огузского или кыпчакского типа наподобие ногайского.

4. Тюрк. *йүвсе* наперсток, *jüzük* кольцо и их проявления в тунгусо-маньчжурских языках.

Данный пример привлекает наше внимание не только разнообразием выявленных потенциальных эквивалентов, но и тем, что перед нами одно из немногих явно производных слов, потенциально заимствованных из тюркских языков. Параллели к форманту *-zuq/-zük* а именно тунг-ма. *-птун*, *-тинг*, монг. *-bci*, называющего предметы, надевающиеся на другой объект или покрывающие его, охарактеризованы нами в специальной работе [Бурькин, 2000]. Тюркские формы обобщены в словаре Э. В. Севортяна: *йүвсе* ‘напёрсток’ [Севортян, 1989, с. 257–258].

Рассмотрим примеры:

эвенк. *гилди* ‘кольцо’ [ССТМЯ, 1, с. 150];

эвенк. *голди* ‘кольцо’, *голдика* ‘водоворот’ [ССТМЯ, 1, с. 159];

нег. *эгди* ‘кольцо, обруч’ [ССТМЯ, 2, с. 437];

эвенк. *горги* ‘пряжка у подпруги’, сол. *гурги* ‘пряжка пояса’, уд. *гуаги* ‘пряжка ремня’, ма. *горги* ‘пряжка подпруги’, *гурги* ‘пряжка пояса’, мо. *gorki* ‘пряжка’, кор. *кори* ‘кольцо, звено’ [ССТМЯ, 1, с. 161];

нан. *гучфу* ‘кольцо, перстень’, ма. *гуйфун* ‘кольцо из золота, серебра, нефрита’ [ССТМЯ, 1, с. 176];

эвенк. сев.-байк. *гэптин* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 1, с. 180];

нан. диал. *кэээчи* ‘кольцо’ [ССТМЯ, 1, с. 443];

ма. *чосхо* ‘кольцо на конце черенка ножа’ и другие [ССТМЯ, 2, с. 409];

нан. Кур-Урм. *соноко* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 2, с. 111];

ма. *сорко* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 2, с. 113];

нан. *дурзи* ‘браслет, надевавшийся во время борьбы из-за мести’ [ССТМЯ, 1, с. 255].

В таких формах, как *гилди*, *голди*, *эгди* и *кэээчи*, форма суффикса близка к той, что мы наблюдаем в монгольском (*-bci*), хотя и с разнообразными преобразованиями. В формах *гэптин* и *гучфу* ~ *гуйфун* сохраняется тот вид суффикса, который знаком нам по тунгусо-маньчжурским материалам, однако основа слова на тунгусо-маньчжурской почве неясна, а тюркские формы с начальным *й-*, который согласно общеалтайской реконструкции, может восходить к разным согласным, в решении проблемы помочь не могут.

Формы *чосхо*, *сорко* и, очевидно, *соноко* показывают нам преобразования ауслатной структуры слова *-VC> CV* со сдвигом ауслатного согласного внутрь слова. Ауслатные согласные в этих словах соответствуют рефлексам общетюркского *j-* в тувинском и якутском языках соответственно. Обособленно стоит форма *дурзи*, где на месте согласного

-z-, интересующего нас в аспекте механики и истории ротацизма, находится сочетание -pz-, а начальная часть слова сходна с начальной частью слова «стремля» (монг. *dörüge*) Поскольку плавный в преконсонантной позиции в во всех других словах данного семейства отсутствует, остается признать, что он в форме *дурзи* оказывается продуктом ротацизма типа того, что наблюдается в дагурском языке в преконсонантной позиции, где почти любой согласный в данной позиции переходит в *p*-.

Примечательно, что 11 различающихся по форме слов со значением ‘кольцо’, восходящие при этом по фонетическим особенностям как минимум к восьми разным языкам, присутствуют во всех ареалах распространения тунгусо-маньчжурских языков.

5. Тюрк. *jiz* тростник, его общеалтайские эквиваленты и позднейшие проявления

Предполагается, что эквивалентами тюркской лексемы *jiz* ‘тростник’, среди которых должна присутствовать и не установленная лексема, которая должна была принадлежать к общетунгусо-маньчжурскому праязыку, являются следующие примеры:

ма. *гурби, гурбин* ‘тростник’ [ССТМЯ, 1, с. 173];

нег. *дэkkэн* ‘тальник, из прутьев которого плели канаты’, ульч. *дэкэ(н)* ‘канат-основание невода’ [ССТМЯ, 1, с. 231];

ульч., орок. *дэксун*, ‘куст, кустарник’, нан. *дэ:* ‘куст, кустарник’ [ССТМЯ, 1, с. 231], ср. также нивх. *нгыкс, вост-тах нга Гзырш* ‘куст’;

сол. *дересун* ‘рогожка’, ма. *дарасу, дэрсу, дэрэсу* ‘ковыль, из которого плетут шляпы’, *дэргү* ‘рогожка’, монг. *deresün* ‘ковыль’ [ССТМЯ, 1, с. 249];

ма. *занчухун* ‘сладкий’, *занчухунзэ* ‘сахарный тростник’ [ССТМЯ, 1, с. 173];

нег. *зисиктэ* ‘тальник, прут’, ма. *зисиха* ‘орешник’, монг. *zegesün* ‘тростник’, монг. *gegesün, sigesün* ‘тростник, камыш’, мо. *зэгс(эн)* [ССТМЯ, 1, с. 260];

ма. *окзиха* ‘тростник’ (ароматический, из которого плетут рогожки) [ССТМЯ, 2, с. 9];

нег. *тита* ‘береста, циновка’, нан. *чи:та* ‘циновка’ [ССТМЯ, 2, с. 189].

Все приведённые слова обозначают материал для плетения или плетеные изделия, что не даёт оснований сомневаться в их семантическом тождестве.

Судя по всему, такие формы, как нег. *дэkkэн* ‘тальник, из прутьев которого плели канаты’, ульч. *дэкэ(н)* ‘канат-основание невода’, для которых реконструируется архетип **дэркэн* (оба языка теряют преконсонантное *p*), являются основанием для реконструкции корня на общеалтайском уровне. Форма *дэксун* – с суффиксом монгольского типа вместо тунгусского *-кта/-кса* – указывает на заимствование слова из монгольских языков или языка, похожего на монгольские. Следы падения преконсонантного плавного хорошо видны по нивхским примерам, где ауслатное *-кс* восходит к **ркс*, иначе заднеязычный подвергся бы спирализации.

Разброс начальных согласных в этих примерах, также рассматриваемых как старые тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках, не выходит за пределы рефлексов тюркского анлаутного *j*-. Следы преконсонантного *p*-, сместившегося в эту позицию из позиции между гласными, видны в примерах *гурби*, *занчухун*, возможно, *дэксун*³. В примере *тита* начальный *й*- изменился в *т*-, как в некоторых якутских примерах (*туох* ‘что’, *тыал* ‘ветер’), а ожидаемый рефлекс для *-з*- совпадает с рефлексом интердентального *-т*- в якутском языке.

6. Тюрк. *jüz* лицо, поиски его общеалтайской параллели и рефлексы заимствований из разных тюркских языков.

Указанный пример вызывает интерес тем, что в общеалтайской форме присутствует плавный *-r-*, в монгольской форме – консонантный кластер на потенциальном стыке морфем, в тюркском слове – *z* в конце слова.

Потенциальные тунгусо-маньчжурские эквиваленты данного слова для тюркской формы *jüz* выглядят следующим образом:

эвенк. *дурун* ‘узор, вышивка’, сол. *дуру(н)* ‘вид, форма’, нег. *дуйун* ‘вид образ, изображение, рисунок’, ороч., уд., ульч., орок., нан. *ду:н* ‘внешний вид, образ, облик’, ма. *дурун* ‘образец, модель’, п.мо. *duri* ‘образ, облик, вид, фигура’ [ССТМЯ, 1, с. 225–226];

эвенк. *дэ:p* ‘поверхность’, *дэ:рэ* ‘лицо, морда’, сол. *дэрэл* ‘лицо’, эвен. *дэ:рэ* ‘лицо’, нег. *дэгэл* ‘лицо’, ороч. *дэ:* ‘лицо’, уд. *дэ:гди* ‘лицо’, ульч., орок., нан. *дэрэ* ‘лицо’, ма. *дэрэ* ‘лицо’, *дэрэнтү* ‘портрет’, [ССТМЯ, 1, с. 236];

нег. *зэхсэ*, нан. *зэсэ* ‘голова медведя’ [ССТМЯ, 1, с. 283];

эвенк. *чу:ки:* ‘череп медведя’ [ССТМЯ, 2, с. 411];

ма. *зонгин* ‘лоб, чело’ [ССТМЯ, 1, с. 264].

Создаёт определённые проблемы тот факт, что в тунгусо-маньчжурском материале одновременно присутствуют два примера, на основе которых может строиться общеалтайская реконструкция этого обозначения лица – *дурун* и *дэрэ*. При этом, первая форма – *дурун* – на непонятных основаниях считается предпочтительной, хотя вторая – *дэ:рэ* – более широко известна в литературе. Вариации согласного *з ~ ч* в анлауте, являющегося рефлексом общетюркского *й*, логично вписываются в известные факты; согласный во втором слоге, восходящий к *-z-*, подвергся спирализации аналогично рефлексам *z* и *ǰ* в якутском языке. Особо подчеркнём, что комплекс *-ин* в конце слова в последнем маньчжурском примере является признаком прототюркских лексем, адаптировавших

³ Данный пример интересен тем, что исследователи далеко не всегда задумывались, какой элемент какому именно элементу соответствует в сравниваемых словах в их линейной структуре. Здесь возможны два решения, -к- соответствует изменившемуся *-p-*, или -к- соответствует начальному элементу суффикса при выпадении согласного *к*, относящегося к суффиксу. Аналогично в соответствии *dürsün – jüz* есть выбор из нескольких решений – соответствие *p//z* «ротацизм-зетацизм», соответствие сочетания *-rs-* согласному *-z-* и соответствие *s//z*: мы склоняемся к последней трактовке эффекта «ротацизма / ламбдаизма», поскольку иное невозможно с точки зрения исторической фонологии тюркских языков, чему мы планируем посвятить отдельную работу.

тюркские черты, но ещё не эволюционировавшие до привычного общетюркского облика (см. выше двусложные названия меди).

Удалось отыскать ещё ряд примеров, в которых мы находим согласный *к* на месте *с* и *ч*, как в анлауте, так и в инлауте. Обратимся к этим примерам, ни один из которых не принадлежит общетунгусо-маньчжурскому лексическому пласту – совершенно очевидно, что все они могут считаться заимствованиями.

Сравним: ма. *каксаха* ‘сорока’ [ССТМЯ, 1, с. 363] – *саксаха* монг. *sagaĵigai* ‘сорока’ [ССТМЯ, 2, с. 54].

Нег. *койахи* ‘кость плечевая птицы’ [ССТМЯ, 1, с. 404] – тюрк. *söñük*, казах. *сүйек* ‘кость’.

Нан. *кэку:кэ:* ‘цветок, побег ивы’ [ССТМЯ, 1, с. 445] – монг. *цэцэг*, тюрк. *ёсёк* – монгольское слово – очевидный, доказуемый тюркизм, ср. *чимчуктэ* ‘шишка лиственницы, ели’ [ССТМЯ, 2, с. 395], также монг. *цоморлог* ‘почка, бутон’; пока непонятно, к чему может относиться монг. *шогигой* ‘шишка дерева’.

Эвенк. *кэкэчэк* ‘копчик’ [ССТМЯ, 1, с. 445]. Ср. монг. *кудурга*, тюрк. *кудучак* ‘крестец’ – слово, заимствованное в эвенкийский язык из языка с заднеязычным *к* на месте межзубного *ġ*. Аналогичные процессы ср. монг. *хусам* ‘берёза’ при тюрк. *qadın* – монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *ġ* перешёл в *ç*, это состояние предшествовало тому, где произошел переход *с* > *х* внутри слова независимо от исконности или вторичности этих согласных.

Нан. *хургэ* ‘табун’, ма. *хургэн* ‘запряжка скота под один плуг, стадо’ [ССТМЯ, 1, с. 478]. Ср. монг. *сүрэг* ‘стадо’, тюрк. *сюрюк* – монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. Т.-ма. формы – возможно заимствование из бур. *хүрэг* < *сүрэг*. К языку с изменением начального *с*- восходит казахское *қора мал* ‘скот’.

Эвенк. и др. *кали* ‘карась’ [ССТМЯ, 1, с. 366] – монг. *салбарс* ‘сазан’

Нан. *хондо* ‘бобы соевые’ [ССТМЯ, 1, с. 470], ср. монг. *шош* ‘боб, бобы’

Ороч. и др. *хора(н)* ‘лицо’ [ССТМЯ, 1, с. 471] – п.-мо. *ċirai* ‘лицо’

Сол. *хорил* ‘труба дымовая’ [ССТМЯ, 1, с. 471] – монг. *цорго* ‘труба’

Ороч. *хэдэ* ‘непогода’ [ССТМЯ, 1, с. 480], монг. *zada* ‘ненастье’, бур. *зада* ‘ненастье’; др.-тюрк. *jadci* ‘волшебник, заклинатель’ [ДТС, с. 222], якут. *сата* [Пекарский, 1959, с. 21–22] ‘камень, обладающий силой вызывать непогоду’.

Ма. *хэрэ-* ‘процеживать’ [ССТМЯ, 1, с. 482] – монг. *шүүх* ‘цедить’. Ср. тат. *сёз-*, казах. *сүз-* ‘цедить’, тур. *süzme* ‘процеживать’, нивх. *г-ездь*, *г-езуд* ‘цедить’. Маньчжурская форма пришла из языка, в котором имелся ротацизм, а тюркская форма заимствована из языка, в котором -з- изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. Монг. *гоож-* ‘струиться процеживаться’, *гожгонох* ‘течь тонкой струей’, *гожгодах* ‘бить тонкой струей’ – возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с сохранившимся *з* и изменившимся

начальным согласным. Пример ма. *хэрэ-* ‘цедить’ однозначно демонстрирует, что общетюркская реконструкция глаголов с финальными неприкрытыми *з* и *ш* несостоятельна. В таких примерах заключены важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным *х*-имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. *халчи* ‘болото’ [ССТМЯ, 1, с. 461), ср. уд. *салаһа* ‘болото (лесное)’ [ССТМЯ, 2, с. 57] **салча* – тюрк. *са:з* ‘болото’ [Севортян, 2003, с. 155]. Сюда же, видимо, относится и эвенк. *йаку* ‘болото’ [ССТМЯ, 1, с. 339], происходящее из языка, в котором начальный *с*- оказался на грани утраты, а интервокальных *-з-* изменился в *-к-*, и эвенк. *н’арут* ‘озеро’ [ССТМЯ, 1, с. 636] – из языка, в котором *с*- оказалось на грани отпадения, *-з-* изменился в *-р-*, но еще не отпали ауслатные комплексы. Из языка, в котором *-з-* перешёл в заднеязычный, но начальный *с*- не отпал, а изменился в *т-*, заимствовано эвенк. *тагин* ‘лу́жа, болото’ [ССТМЯ, 2, с. 151]. Ср. нивх. *чатъф* ‘болото’, не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее с тюркским *са:з* ‘болото’.

Сол. *хэсэ* ‘указ’ (< ма.), нег. и др. *хэсэ* ‘слово, речь, язык’ [ССТМЯ, 1, с. 483] – тюрк. *söz* ‘слово, речь’ [Севортян, 2003, с. 338–339]. Э. В. Севортян делает очень важное примечание к этой форме: «А. М. Щербак [Щербак, 1970, с. 196] восстанавливает праформу *сö:c*, что по як. *өс* и турк(м). *сөз* едва ли правомерно» [Севортян, 2003, с. 338], отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ-* ‘цедить’). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, эвенк. *ту:рэ:н*, эвен. *төрэн* ‘слово, речь, язык’ (также нег. и ороц.), *турэ:н-* ‘говорить’ [ССТМЯ, 2, с. 222] – с ротацизмом и переходом начального *с>т*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* ‘болото’). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. *хулдан* ‘гадюка’ [ССТМЯ, 1, с. 476] – тюрк. *йилан* ‘змея’ ср. также эвенк. *салама* ‘змея’, нег. *сулама* ‘змея’ [ССТМЯ 2: с. 57].

Нег. *хупэн* ‘нити’ [ССТМЯ, 1, с. 478] – др.-тюрк. *йір* ‘нить, нить, тесьма, веревка’ [ДТС, с. 267], тат. *жеп*, казах. *жіп*. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное *с* изменилось в *һ*.

Эвенк. *гуран* ‘низина’ [ССТМЯ, 1, с. 173] – чуваш. *шурла́х* ‘болото’ (у с ударением *а* краткое).

Ср. также. ма. *х’анчила-* ‘собираться стадом’ [ССТМЯ, 1, с. 461], эвенк. и др. *сэсин* ‘табун’ [ССТМЯ, 2, с. 146]. Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

7. Заключение

Проведённое исследование накопившихся до известной степени странных, но приобретающих актуальность примеров было призвано решить несколько задач, при этом главной задачей не было наращивание количества лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками или подведение основ под ареальные связи между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками. Это своего рода «побочный эффект» решения иных – более глубинных – задач. Во-первых, уже давно назрела необходимость дать объяснение странным и не вполне регулярным фонетическим соответствиям в отдельных словах, явно не связанным с внутренней историей тех языков, для которых эти соответствия прослеживаются. Как оказывается, это соответствия, имеющие прямые аналогии в языках соседних групп, родственных на общеалтайском уровне.

Во-вторых, нужно было сформулировать и предложить гипотезу, в соответствии с которой большое количество «похожих» слов в тунгусо-маньчжурских и частично в монгольских и тюркских языках, не укладывающихся в групповые фонетические соответствия и не отвечающих статусу заимствований из известных языков, представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, и только в построениях нового формата находят объяснение своей этимологии, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках.

Третья задача, вытекающая из второй, состояла в определении корпуса лексики, которая определённо не является общетунгусо-маньчжурской по происхождению (в него попадают альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексическими единицами), лексики, которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача – выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп – оказывается актуальной и для изучения лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассмотренные выше примеры. По материалам заимствований из тюркских языков ранней формации можно, как думается, составить представление о внешнем виде и количестве ныне не существующих тюркских языков и диалектов, точнее – пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп.

Четвёртая задача работы, не обозначаемая, но достигнутая – подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков невозможно в принципе – оно всегда выглядело и выглядит либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Итоги проделанной работы в их перспективе для сравнительно-исторической тюркологии можно оценить следующим образом.

1. Территория, ныне занятая тунгусо-маньчжурскими языками, хранит следы прототюркского субстрата, элементы которого вошли в отдельные тунгусо-маньчжурские языки и в монгольские языки.

2. Хронология древнейших тунгусо-маньчжуро-тюркских контактов связана с датировкой времени распада общетунгусо-маньчжурского праязыка – по нашим данным, это начало 1 тыс. до н.э.

3. Количество неизвестных ныне тюркских языков, заимствования из которых выявляются в тунгусо-маньчжурских языках, вычисляемое по рефлексам согласных *ḏ*, *z*, *ṣ*, *s* и *c* и их возможным комбинациям, определяется в интервале между 25 и 30 и более языками. Таким образом, хронология прототюркского состояния, с чертами, качественно отличными от черт других алтайских языков, уходит вглубь от времени появления первых памятников тюркской письменности на 1700 лет.

Самый главный результат – то, что предложенная общеалтайская реконструкция в одном из её обновленных вариантов и сама алтайская теория выдержали проверку построений на материале заимствований и существенно обогатили самые перспективы изучения взаимных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Новые возможности сравнительной тюркологии, позволяющие проникнуть вглубь истории тюркских языков намного глубже языка ранних рунических памятников и существенно меняющие представления об ареальных межгрупповых связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также ставящие новые задачи в сравнительно-исторических исследованиях алтайских языков свидетельствуют об одном – контралтаистика, то есть скептические заключения против родства алтайских языков и попытки выдать родство по крайней мере западноалтайских языков за продукт контактов потерпели полный крах, что для многих участников дискуссий и латентных противостояний означает полное разрушение научной репутации.

Список сокращений и условных обозначений

- Алт. – алтайский (ойротский);
- бур. – бурятский;
- др.-тюрк. – древне-тюркский;
- зоол. – зоологический;
- калм. – калмыцкий;
- кит. – китайский;
- корейск. – корейский;
- ма. – маньчжурский;
- мо. – монгольский;
- нан. – нанайский;
- нег. – негидальский;
- общетюрк. – общетюркский;

орок. – орокский;
 ороч. – ороцкий;
 п.-мо. – письменно-монгольский;
 сол. – солонский;
 т.- ма. – тунгусо-маньчжурский;
 тат. – татарский;
 тюрк. – тюркский;
 тув. – тувинский;
 уд. – удэгейский;
 ульч. – ульчский;
 чж. – чжурчженьский;
 чуваш. – чувашский;
 эвенк. диал. – эвенкийский диалектный;
 эвен. диал. – эвенский диалектный;
 якут. – якутский.

Список литературы

1. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 1 : А–Г. – М. : Academia, 2001. – 520 с. – (БАРМС, 1).
2. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 2. : Д–О. – М. : Academia, 2001. – 536 с.– (БАРМС, 2).
3. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 3 : Ё–Ф. – М. : Academia, 2001. – 440 с.– (БАРМС, 3).
4. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 4 : Х–Я. – М. : Academia, 2002. – 532 с.– (БАРМС, 4).
5. Бурыкин, А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс -bcī (калм. -вч) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках [Текст] / А. А. Бурыкин // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). – М., 2000. – С. 16–20.
6. Бурыкин, А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований [Текст] / А. А. Бурыкин // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С. 19–42.
7. Бурыкин, А. А. Тюркские согласные *z , *sh, *D в свете алтаистики: новые интерпретации [Текст] / А. А. Бурыкин // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. – М. : Вост. Лит., 2005. – С. 96–106.
8. Бурыкин, А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки [Текст] / А. А. Бурыкин // Вестник урovedения. – 2014. – № 4 (19). – С. 21–33.
9. Бурыкин, А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) [Текст] / А. А. Бурыкин // Урало-алтайские исследования – 2015. – № 4 (19). – С. 93–105.

10. Древнетюркский словарь [Текст] / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л. : Наука, 1969. – 677 с. – (ДТС).
11. Омакаева, Э. У. Заметки к этимологии некоторых названий металлов в алтайских языках [Текст] / Э. У. Омакаева, А. А. Бурыкин // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая : материалы Международной научной конференции, г. Элиста, 9–14 мая 2007 г. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. ; [редкол.: Н. Г. Очирова (отв. ред.) и др.]. – Элиста : КИГИ РАН, 2008. – С. 185–189.
12. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. I. – 2-е изд. – М., 1959. – 1280 стлб.
13. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. II. – 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 1281–2508.
14. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. III. – 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 2509–3858.
15. Рамstedт, Г. Введение в алтайское языкознание [Текст] / Г. Рамstedт. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 255 с.
16. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 1. – М. : Наука, Восточная литература, 1974. – 768 с.
17. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 2. – М. : Наука, Восточная литература, 1978. – 349 с.
18. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 3. – М. : Наука, Восточная литература, 1980. – 395 с.
19. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 4. – М. : Наука, Восточная литература, 1989. – 292 с.
20. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 5. – М. : Наука, Восточная литература, 1997. – 364 с.
21. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 6. – М. : Наука, Восточная литература, 2000. – 262 с.
22. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 7. – М. : Наука, Восточная литература, 2003. – 446 с.
23. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – М. : Наука, 1986. – 304 с.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Наука, 2001. – 822 с.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / под ред. В. И. Цинциус. – Т. 1. – Л. : Наука, 1975. – 673 с. – (ССТМЯ, 1).
26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / под ред. В. И. Цинциус. – Т. 2. – Л. : Наука, 1977. – 992 с. – (ССТМЯ, 2).
27. Poppe, N. N. Ein mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden [Text] / N. Poppe // Central Asiatic Journal. – 1960. – Vol. 4. – P. 257–294.
28. Poppe, N. N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden : Harrasowitz, 1965. – 212 p.

References

1. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 1 (2001) : A–G. – Moscow : Academia Press. (BARMS, 1).
2. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 2. (2001) : D–O. Moscow : Academia Press. (BARMS, 2).
3. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 3 (2001) : O–F. Moscow : Academia Press. (BARMS, 3).
4. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 4. (2002) : Kh–Ya. Moscow : Academia Press. (BARMS, 4).
5. Burykin, A. A. (2000). Iz sravnitel'no-istoricheskogo slovoobrazovaniya v altajskikh yazykakh: mongol'skij suffiks -bci (kalm. -vch) i ego ekvivalenty v tunguso-man'chzhurskikh, tyurkskikh i koreyskom yazykakh [Comparative-historic word-building in Altaic languages: Mongolian suffix -bci (kalm. -vch) and its equivalents in Tungus-Manchu, Turkic and Korean languages]. *Vladimirtsovskie chteniya IV. Doklady i teziy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Vladimirtsovskie readings IV. Reports and author's abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 16–20). Moscow.
6. Burykin, A. A. (1999). Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy [The role of Mongolian languages for Altaic studies]. *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov* [The history of Mongolian languages] (pp. 19–42). Ulan-Ude.
7. Burykin, A. A. (2005). Tyurkskie soglasnye *z ,*sh, *D v svete altaistiki: novye interpretatsii [Turkic consonants *z ,*sh, *D in Altaic studies: New interpretations]. *Altayskie yazyki i vostochnaya filologiya. Pamyati E. R. Tenisheva* [Altaic languages and Asian linguistic studies. In commemoration of E. R. Tenishev] (pp. 96–106). Moscow : Vostochnaya Literatura Press.
8. Burykin, A. A. (2014). O vzaimnom sootnoshenii otdel'nykh grupp altajskikh yazykov i ob otnositel'nom ob'eme izmeneniy v otdel'nykh gruppakh altajskikh yazykov: «drevnie», «novye», i «noveyshie» altajskie yazyki [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: “ancient”, “new” and “latest” Altaic languages]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 4 (19), 21–33.
9. Burykin, A. A. (2015). Metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaniya, altayskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (Replika na stat'yu V. I. Rassadina) [Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and the Turko-Mongolic language relations (Remark on Valentin Rassadin's article)]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 4 (19), 93–105.
10. Drevnyeturkskiy slovar'. (1969). [Ancient Turkic dictionary]. Ed. by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad : Nauka Press.(DTS).

11. Omakaeva, E. U., Burykin, A. A. (2008). *Zametki k etimologii nazvaniy metallov v altaiskikh yazykakh* [Notes on the etymology of some words denoting metals in Altaic languages]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia, China. Proc. of the Internat. Conference] (pp. 185–189). Elista : Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences Press.
12. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. I (1280 columns). 2-nd edition. Moscow.
13. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. II (columns 1281–2508). 2-nd edition. Moscow.
14. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. II (columns 2509–3858). 2-nd edition. Moscow.
15. Ramstedt, G. (1957). *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie* [Introduction to Altaic studies]. Moscow : Inostrannaya Literatura Press.
16. Sevortyan, E. V. (1974). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 1. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
17. Sevortyan, E. V. (1978). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 2. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
18. Sevortyan, E. V. (1980). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 3. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
19. Sevortyan, E. V. (1989). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 4. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
20. Sevortyan, E. V. (1997). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 5. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
21. Sevortyan, E. V. (2000). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 6. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
22. Sevortyan, E. V. (2003). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 7. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
23. Serebrennikov, B. A., Gadzhieva, N. Z. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historic grammar of Turkic languages]. Moscow : Nauka Press.
24. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika.* (2001). [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Lexical units]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow : Nauka Press.
25. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov.* (1975). [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages]. Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 1. Leningrad : Nauka Press. (SSTMYa, 1)

26. Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. (1977). [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages]. Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 2. Leningrad : Nauka Press. (SSTMYa, 2)
27. Poppe, N. N. (1960). Ein mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden. *Central Asiatic Journal*, 4, 257–294.
28. Poppe, N. N. (1965). *Introduction to Altaic Linguistics*. Wiesbaden : Harrasowitz.